

М.А. Тарусин

НАУЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*ТАРУСИН Михаил Аскольдович – руководитель отдела социологических исследований
Института общественного проектирования. E-mail: mtarusin@yandex.ru*

Постоянный автор журнала описывает типичные ритуалы, свойственные многочисленным научным семинарам, круглым столам, конференциям, на которых глубина и накал научной дискуссии сочетается с привычными бюрократическими процедурами и самолюбованием участников.

Ключевые слова: этос науки; научное сообщество

В любой деятельности есть люди талантливые и не очень. Последних, конечно, большинство. Но нет другой такой области, где это можно было бы так легко скрывать всю жизнь, как наука. Преимущественно гуманитарная и особенно общественная. К примеру, социология. В нее сегодня набилась куча ученого народа, благо с обществом постоянно что-то происходит, причем явно нервическое и недоброе, но что именно — никто не понимает.

Из-за того, что народу много, социологи друг друга недолюбливают, ставя остальных не очень высоко, оттого живут порознь, много чего-то пишут и издают книжки, которые читают: сам автор — с любовью, подчиненные — по обязанности, да несколько друзей — из сострадания. Но порой всё же собираются на научные семинары, круглые столы, презентации, конференции и прочая, где проводятся высокие научные дискуссии. К тусовке готовятся, поскольку это реальная возможность напомнить о себе и поддержать репутацию.

Еще в фойе атмосфера приподнятая и шумная.

— Здра-а-а-ассстье! Сколько лет.....

— О-о-о! Кого я вижу!...

— Какие люди пожаловали!...

Это всё при том, что виделись только третьего дня на таком же семинаре. Разговоры оживленные, все чувствуют, что собрались ради важного дела, но каждому не впервой и оттого, в знак своей бывалости, можно и пошутить, и слегка поёрничать. Но неплохо и прямо тут, за чашкой предсеминарного кофе начать с коллегой какую-нибудь умно-научную беседу с обилием неясной никому терминологии, чтобы дать понять — шутки шутками, а вообще-то голова постоянно напряжена решением сложнейших проблем, так что не терпится прямо вот здесь, пока вы все ваньку валяете, тут же и схватиться за неё, за проблему эту. Два-три участника помоложе почтительно молча встанут вокруг и сделают напряженные лица, что придаст ученой беседе дополнительный вес.

Кстати, где собираются, имеет большое значение. Место желательно должно быть «пафосным», сиречь солидным и чтобы непременно большой плакат «Влияние чёртовоматерных индикаторов на развитие межфакторных отношений» и чтоб карточки с фамилией давали (многие их потом собирают и вешают кучей на работе, что есть знак востребованности) и чтоб телевидение было — это тоже пафосно (*до чего гнусное словечко*).

На правильном семинаре стоит длинный стол, а на нём таблички с фамилиями гостей 1-го круга, минералка, блокноты с ручками и микрофоны на длинном черном прутике. На президиумном конце стола место для важной персоны, для докладчика, и по бокам — для двух полуважных. За столом кресла мягкие, вдоль стен — поплоче, для гостей 2-го уровня. Эти гости, как правило, либо молодые и робкие, либо, напротив, дряхлые и задиристые старички, но слово на собрании они, впрочем, получают редко, вечно перебирают в руках кипы мелко исписанных листов, вид имеют взъерошенный и треханутый.

. Среди них же пожилые тётки, которые тут же вынимают блокнот и потом всё заседание подробно записывают мелким подчерком всё говоримое, Бог весть для каких нужд. Это завсегда у ученых собраний, давно одержимые бесом науки, приглашений они не получают, но где-то сами достают и кочуют с семинара на семинар в каком-то сизифовом отупении.

Забыл сказать, что в рассылаемом приглашении всегда должны быть упомянуты важные лица, что является условием заполняемости зала и можно точно мерить массой присутствующих степень важности приманки. Важное лицо обязано опоздать, потомить уже давно рассеявшихся, войти стремительно, чтобы жизненный вихрь важного лица произвел впечатление на собравшихся. Впрочем, он благожелателен, пожимает руки нескольким счастливым, привычно садится председателем и тихо и живо переговаривается с главным

докладчиком о чем-то значительном. Весело обводит зал ясным взором, поправляя лежащее перед ним, и бодро молвит:

— Ну, наверное, начнём?

Вступительное слово («буквально две фразы») лица растягивается на четверть часа, в течение которого вступитель обнаруживает знание темы, свой взгляд на нее и ее принципиальную важность для всего, вместе взятого, после чего передает микрофон докладчику.

Слово имеет докладчик (*кстати, не задумывались над двусмысленностью этой фразы — докладчик поймел слово, отымел слово*). Тут много значит гендер. В социологии соотношении полов, как в Православной Церкви, но всё же чаще докладает ученый муж. Говорить полагается минут двадцать, обрисовать проблему туманно и веско, поставить множество неразрешимых вопросов, обрисовать предыдущие неудачные попытки их разрешения, представить новый свежий взгляд, позволяющий преодолеть все трудности махом, невнятно описать методологию и пару раз научно пошутить, не вызвав реакции зала. Наступает время выступлений и тут же за столом вздымаются руки.

Это происходит оттого, что многие загодя подумали о теме и придумали свежую мысль. Но их гложет опасение, что эту же мысль придумали и другие и каждый торопится высказаться первым, потому что, если его мысль вдруг выскажет кто-то другой, времени на другую мысль уже нет. К тому же надо отметить, так сказать «засветиться». Вот тут наступает пора ученых дам. Всегда найдется устремленная дама, она говорит скоро и взволнованно. Она даже сама несколько смущена своей взволнованностью, но — простите мне эту слабость — я так переживаю, так переживаю! Речь начинается с благодарности докладчику за новый свежий взгляд, но вот есть один нюанс, который у докладчика выпал, а ей впал и — дальше следует мутное описание впавшего. Заканчивается сумбурная речь внезапно и вдруг, смущенно и мило. Значительные люди улыбаются и кивают.

Некоторые дамы говорят сбивчиво, с переходом в некоторое бляение, отчаянно, но безуспешно помогая себе изящными ручками, с твердым убеждением, что это вот косоречие есть особый шарм и манера научной речи.

Есть другой тип дамы, она говорит резко, твердо, выстреливая именами и терминами, которые не в каждом словаре и отыщешь. За признанием несомненно удачной проделанной работы следует садистский разбор многочисленных ошибок этой работы, которые сводят на

нет весь её смысл, но в конце признается, что за исключением всего сказанного, работа нужна и достойна.

Обязательно найдется общественная дама, которая учебников не читала, а просто наблатыкалась выступать, но не имеет опыта замутить тему и оттого говорит хоть и понятно, но невесть что несёт. Те, кто учебники читали, переглядываются, но молчат. Все знают, что эта дама имеет вес и мстительный характер.

Следом выступит маститый ученый муж. Ему всё не в диковинку, оттого он слегка насмешлив и как бы со стороны, речь его ажурна и плавна. Слушать его приятно, ровно кто щекочет за ухом. Он это знает и оттого ведущему приходится напомнить о регламенте.

— Я закончу фразу — хитро улыбается маститый и легко выдает сложноподчиненную еще минут на пять.

Многие начинают выступление со следующего пассажа:

— Тут вот многие говорили, но почему-то никто ... я даже удивляюсь... ни слова не сказал вот о чем!...

Этим подчеркивается некоторая стадность мышления собравшихся и яркая индивидуальность говорящего. Дескать, всё мычали вокруг да около, а я вот — бац! — и в самую точку.

Обязательно выскочит юное дарование, оно запинается, но ему дают протекцию влиятельные люди, оттого его дрожащее запинание слушают снисходительно, но серьезно. В середине силлогизма мысль ему изменяет, и он садится красный и сметённый.

Затем спокойно просит слова настоящий ученый, один такой находится, если не повезет, на всё собрание. Он не спеша, но твердо разбирает работу, замечания его просты и точны, недоумение искренно, напоминание о том, что всё это уже десять раз было, непосредственно и лишено оттенков личного. Он именно говорит по делу, оттого все испытывают чувство неудобства, наиболее смелые улыбаются в колени, докладчик сидит прямо, но с чувством ежа пониже спины.

— Вот, собственно, основные замечания — говорит пожилой честный ученый — у меня тут еще много записано, но это потом... если потребуется...

Наступает неловкое молчание.

— Кто еще хочет высказаться? — прерывает паузу опытный ведущий.

После дельного анализа как-то никому вылезать не хочется, но положение спасает старичок со 2-го ряда. Он вскакивает, говорит горячечно, потрясая своими бумажками, клеймит что-то, порет какую-то дичь, но это именно то, что сейчас нужно. Обстановка разряжается. Старичок готов предложить свой план спасения чего-то, ему обещают рассмотреть его диспозицию позже и заседание постепенно сворачивается.

Ведущий резюмирует сказанное, отмечает важность всего, необходимость учесть замечания (настоящий учёный сидит молча и покорно). И кстати, тут вот много говорили, но никто почему-то ничего не сказал вот о чём... . И нам несомненно надо продвинуться дальше, сделать ещё немало шагов, подумать вместе вот о чем, ещё не раз собраться, что очень полезно, необходимо, целесообразно, а пока вот там, в зале фуршет, где можно продолжить... обсудить... поспорить... (последнее тонет в грохоте отодвигаемых стульев).

Фуршет толпится, жует, голоса громки и оживлённы. Учёный народ не стесняется толкаться локтями у стола с пирожками и канапе, докладчик окружен толпой соратников. Нелепый Ученый, высокий и худой, чем-то похожий на покойного актера Гринько, стоит в стороне и только один юноша, тот самый, что запинался на заседании, что-то быстро говорит ему. Значительное лицо вдруг бросил на эту парочку быстрый цепкий взгляд.

— Да — говорит пожилой Учёный, слегка сгорбившись к собеседнику и прихлебывая чай — конечно, заходите, у меня, знаете ли, есть некоторые соображения... но я вам советую для начала познакомиться...

Учёный народ расходится, слышны реплики:

— Послезавтра семинар у... Ты будешь?

— Не знаю... Приглашение пришло...

— Как, что? А я почему не получила?!...

— Я вам перешлю... да там...

Научная жизнь. Одно слово.

Михаил Тарусин (не учёный)